

УДК 141.7

ИНОМЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ В ПОИСКАХ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ МЕРЫ

Ю.В. Шичанина
Ростов-на-Дону, Россия

Для отечественной философии проблема измерений и меры человеческого является одной из наиболее острых. В этой связи представляется актуальным рассмотреть теоретико-методологическую специфику концептуальных построений современной метаантропологии и присущего ей дискурса. Метаантропология при этом выступает не только как метатеория (рефлексия второго порядка над антропологическими теориями XX века), а становится антропологией «границ и пределов». Реализуя накопленный философией XX века потенциал, она максимально приближается к постижению «иномерного» человека.

В целом можно сказать, что мера человеческого задана совокупностью проявлений человеческого. При этом *мера может быть задана «извне», пространственно-логически, в гносеологическом аспекте.* Наиболее адекватным данному варианту и способу задания меры будет *понятие измерения* как совокупности действий, выполняемых с целью нахождения числового значения измеряемой величины в принятых единицах измерения и в соответствии с определенным правилом. В результате могут быть получены биологическое, социальное и т.д. измерения, методологические срезы и грани человеческого. Однако мера может быть задана и *«изнутри» – экзистенциально-личностно – интенсивностью, способом и степенью актуализации Иного, интегрированности Иного в наличную меру.* Представляется, что введение в объяснительный оборот концепта «иномерности» позволяет аккумулировать в одном понятии оба обозначенных, диалектически взаимосвязанных смысла.

В современной новейшей русскоязычной метаантропологии можно выделить несколько оригинально разработанных моделей понимания человека и человеческого. А именно: «интервальную» (Ф. Лазарев), «предельную энергетическую» (С. Хоружий), «маргинальную» (С. Гурин) и «метаантропологическое учение о человеческом бытии в обыденных, предельных и запредельных проявлениях мужского и женского» (Н. Хамитов). Инвариантное содержание вышеобозначенных, во многом синтетических теорий можно представить в виде утверждения принципиальной несубстанцируемости, многомерности (иномерности) человека и способов его означивания. Вместе с тем в концепции Лазарева основное внимание уделяется определению границ и «узловых точек» меры внутри социокультурной действительности. При этом пограничные состояния как таковые не рассматриваются. А метаантропологии Хоружего, Хамитова и Гурина акцентированы на возможности онтологических метаморфоз и эволюционных перспектив, при этом представлены варианты тоники антропологической границы, различные пограничные стратегии.

Для данного исследования представляется существенным, что «интервальная» антропология Ф. Лазарева в целом остается в пределах диалектической логики, является «интервальной диалектикой», поэтому, с одной стороны, позволяет конструктивно рассматривать человека и культуру, опираясь прежде всего на категорию меры, а с другой – обнаруживает соответствующие традиционному диалектическому дискурсу ограничения в постижении антропокультурных реалий современности, когда, например, наличная, системная и реаль-

ная меры человеческого вступают в конфликт и трагическое (неразрешимое в пределах человеческой жизни) противоречие. Разрабатывающая тему границы «*антропологическая модель третьего тысячелетия*» С. Хоружего носит предельный энергийный характер. Человек здесь рассматривается как синергично эволюционирующее существо, меняющее в процессе тип организации собственной активности по направлению к запредельному телосу. Подчеркнем, что если в концепции Ф. Лазарева имманентная динамика антропологической меры как диалектического понятия не нуждается в специальной акцентуации на Ином (важно правильно определить наличную и системную меры и зафиксировать момент перехода), то энергийная антропология С. Хоружего уже не может обойтись без синергичного включения в представление об антропологической мере онтически и онтологически Иного. Тем самым, можно заключить, что в последнем случае мера приобретает синергичный динамический *предельный* характер, выявляется прежде всего как иномерность. Особое значение приобретает определение топики и стратегий антропологической границы.

Метаантропология Н. Хамитова интегрирует в себе подходы философской антропологии, экзистенциализма и персонализма, состоит из философии обыденного, предельного и запредельного бытия человека. Поскольку вопрос об основаниях человека оказывается сущностно взаимосвязан (также как и у вышеобозначенных авторов) с вопросом о предельном и запредельном, здесь оказываются востребованными понятия экзистенции, трансценденции и в конечном итоге антропотрансценденции. Также отчетливо просматривается связанная с онтологизацией творчества метаантропологическая перспектива. Выражаясь в терминах нашего исследования, можно сказать, что означенная перспектива последовательно реализуется преобразованием одномерного человека обыденности в пограничного человека экзистенциализма, а затем в запредельного сверх-, мета- и богочеловека. Но для этого, подчеркнем, он должен актуализировать собственные иномерные основания – актуализировать и разрешить трагические противоречия собственной жизни.

Маргинальная антропология С. Гурина идейно созвучна не только трем представленным выше концептуальным построениям, но и нашим собственным (с той существенной разницей, что исследование иномерности осуществляется нами со светских позиций). В данном контексте социально-философское определение «маргинальности» не просто дополнено антропологическим, а принципиально преобразовано в онтологическое. Мера человеческого, его онтологический масштаб тем самым определяется человеческой способностью находиться на краю, на пределе, преступать во имя нового своего качества наличное бытие. И поскольку маргинальность здесь есть не просто ситуативное свойство и временное положение, а фундаментальное качество и способ бытия человеческого, мера человеческого не может не включать в той или иной степени онтологически иное, она по сути своей есть иномерность. В гносеологическом ключе маргинальный подход Гурина во многом аналогичен интервальному подходу Лазарева, так как поднимает проблему границ и пределов познания. Наряду с этим маргинальность предстает как гносеологическая категория, обозначающая нечто нелогичное, непрозрачное для сознания, недоступное для познания (непознаваемое, внерациональное, парадоксальное, абсурдное, апофатическое и т.д.).

Предварительный анализ философской антропологии XX века и метаантропологических построений рубежа тысячелетий наглядно демонстрирует актуальность и востребованность идеи иномерности в современной культуре. На разных уровнях сознания и философской рефлексии она ищет адекватного

выражения. Симптоматично, что авторы рассмотренных в тексте параграфа метаантропологических подходов в унисон притязают на новую парадигму философии человека, и каждый из них, опираясь на передовые концепции естествознания, одновременно подчеркивает философскую преемственность древнего духовного опыта. При этом фундаментальной онтологической, гносеологической, аксиологической категорией так или иначе выступает принимающее различные облики, ориентированное на новый внутренний и внешний синтез противоречие: между различными интервалами абстракции, типами дискурса, жизненными этапами, модусами бытия, типами организации человеческой активности, маргинальными феноменами, стратегиями границы и т.д. Вопрос, тем самым, ставится не только о наличной мере человеческого, но и о мере трансформации, преобразования и метаморфозы, о мере предельной и запредельной, об иномерности. Едва ли можно считать все эти рассуждения случайными оговорками нескольких профессиональных философов. Скорее, это адекватная философская реакция на антропологические реалии современности (активизацию человека в отношении собственных границ) и ее культурный контекст: нарастающее влияние высоких технологий, средств массовой коммуникации, новых мифологий, феминизма и идеологии потребительского общества.

УДК 141.7

ИДЕЯ ПОКОЛЕНИЙ В СУПРАМОРАЛИЗМЕ Н.Ф. ФЕДОРОВА: СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ

В.Н. Корablева
Харьков, Украина

Сегодня, в условиях нарастания глобализационных тенденций, национальные культуры стремятся актуализировать свою самобытность, противопоставляя её универсальности. Самобытность как доверие к культурному статусу нации, ее внутренняя духовная опора, есть выражение творческих усилий народа, специфика его менталитета. Потенция нашей самобытности кроется в православии, чем и обусловлена необходимость обращения к религиозной философии. Классическая европейская рациональность, выстраивая хронотоп окружающего мира, мыслит время как историю, линию прогресса, представленную цепью преемственных поколений. Православие подчеркивает превосходство «горнего мира», вертикали вечности, низводя историю до бессмысленной и бесцельной суеты. Исследование наших духовных корней – европейских, славянских, православных – приводит к актуализации проблемного узла на пересечении этих линий, к необходимости исследования идеи поколений в обеих традициях.

Из плеяды философов, традиционно относимых к русской религиозной философии, малоисследованным остается вклад Н.Ф. Федорова, часто трактуемый как «предтеча» чего-то более весомого и значимого, не имеющий самостоятельной научной ценности (что представляется необоснованным). Смысловым ядром философской концепции Н.Ф. Федорова выступает идея солидарности поколений как единственная возможность достижения реального бессмертия человечества, избежание Апокалипсиса. Н.Ф. Федоров заменяет христианскую догматику этикой, называя свое учение супраморализмом, высшей христиан-